

Станислав Ямалиев

«Геном счастья»

18+

Станислав Ямалиев

ГЕНОМ СЧАСТЬЯ

<https://litres.ru/74042294>

SelfPub; 2026

Аннотация

Трилогия: Пробуждение. Инфильтрация. Колыбель
Мир изменился за один день. Пока ты спал, кто-то сделал людей счастливыми.

Сергей, бывший бандит, просыпается после комы и не узнаёт город. Люди вокруг приветливы до жути, алкоголь исчез с прилавков, а его бывшая жена Таня больше не красится, не носит силикон и мечтает стать матерью. Что-то случилось. Что-то, о чём никто не говорит.

Ему предстоит узнать правду. Пройти путь от грязной квартиры на окраине до детского центра, где в серых комбинезонах растят новое ГМО поколение. От бандита, потерявшего всё, до отца девочки, которой ещё нет в документах.

Потому что счастье не приходит бесплатно. Потому что кто-то должен защищать тех, кого мир считает оружием. Потому что иногда, чтобы остаться человеком, нужно украсть ребёнка у системы.

Три книги. Три этапа пробуждения. Одна история о том, как любовь оказывается сильнее контроля, а семья — важнее мира.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Станислав Ямалиев

ГЕНОМ СЧАСТЬЯ

Глава

Геном счастья

Книга первая. Пробуждение

Глава 1. Больница

Он пришёл в себя в среду. Или во вторник. Сначала был просто запах — хлорка, спирт, что-то медицинское. Потом свет — белый, ровный. Потом капельница над головой. И только потом — собственное тело. Чужое. Слабое. Как будто из него вынули скелет и заменили на мокрый картон.

Он попытался сглотнуть. Язык прилипал к нёбу.

— Очнулся? — голос был женский, с тёплой хрипотцой. Медсестра поправляла капельницу. — Лежите, не дёргайтесь. Мы вас еле вытащили, вы уж извините за прямоту.

Она говорила без слащавости, с той спокойной, уверенной интонацией, с какой говорят люди, которые точно знают, что делают. Он хотел сказать что-то вроде «иди ты к чёрту», но губы не слушались.

— Вас привезла жена, — добавила медсестра. — Если бы не она — всё. Она вам жизнь спасла, так что теперь вы ей по гроб обязаны.

Она улыбнулась — и улыбка была не дежурная, а настоящая, как у человека, который искренне рад, что всё обошлось.

— Она здесь? — прохрипел он.

— Нет. Уехала. Но оставила телефон. Сказала: если захочешь — найдёшь. А вы захотите. Обязательно захотите.

И она подмигнула — легко, по-сестрински. Он лежал и смотрел в потолок. Танька. Привезла. Спасла. Зачем?

Через три дня его выписали. Он вышел из больницы на негнущихся ногах. Тело ещё помнило капельницу, слабость держала за плечи, но голова уже работала. Работала против него — крутила мысли, как старую плёнку.

Закурил прямо у дверей. Затянулся раз, другой. Дым обжёг горло, и от этой знакомой горечи вдруг накатило.

Глава 2. Как всё рухнуло

Год назад. Может, больше. Время тогда сломалось.

Он был при деньгах. Серьёзных. Не тех, что в кармане на ресторан и такси, а тех, что лежат на счетах и греют душу. Бизнес — серый, но железный. И он его построил сам.

У него был дар. С детства. Математика давалась ему легко — не школьная, скучная, а та, где цифры превращаются в схемы, а схемы — в деньги. Он видел связи, которых не видели другие. Там, где обычный человек видел хаос — разрозненные факты, обрывки информации, — он видел закономерности. Ему достаточно было взглянуть на цифры, на

рынок, на людей, и в голове что-то щёлкало: вот оно. Вот здесь будет прибыль. Вот здесь будет провал. Вот этот человек обманет, а этот — нет.

В школе его считали странным. Учительница математики однажды сказала при всём классе: «У тебя талант. Ты можешь поступить куда угодно». Он тогда только хмыкнул. Мать пила. Отец давно ушёл. Поступать было некуда и не на что. Но способности никуда не делись. Они легли в основу всего, что он построил потом.

Подельники — Киса, Толмач, ещё пара ребят, — ценили в нём именно это. «Ты голова», — говорил Киса, когда они сидели в прокуренном офисе и он в очередной раз находил лазейку там, где все видели тупик. Он умел читать людей как открытую книгу — видел их слабости, страхи, жадность. И использовал это. Не всегда по-доброму. Но всегда эффективно.

И он им верил. Как себе. Как братьям.

Это была не просто деловая схема. Это была дружба, выросшая из грязи. Они прошли вместе путь от дворовой шпаны до крупного бизнеса. Дрались за одного — и против всех. Делили последний кусок хлеба, когда денег не было. Вытаскивали друг друга из передрыг, в которых можно было согнуть с концами. Киса однажды прикрыл его в драке, получил ножом в плечо, а потом, зашитый на живую, сказал: «Ты мне должен, брат». И он платил. Верностью. Доверием. Любовью, которую никогда не называл этим словом.

Именно поэтому он пропустил удар.

Обналичили счета, переписали активы, подмахнули бумаги — и исчезли. В один день. Проснулся утром — пусто. Ни денег, ни фирмы, ни звонка с объяснениями. Только тишина в телефоне и блокировка карт.

Он помнил этот день до деталей. Помнил, как сидел на кухне, тупо смотрел в стену и повторял: «Киса, сука, Киса». Не верил. Его дар, его хвалёный дар, его способность видеть людей насквозь — всё сломалось в одно мгновение. Потому что с ними он этот дар отключал. С ними он был не стратегом, не аналитиком — он был братом. И верил, что они — тоже братья.

Кинулся звонить — глухо. Поехал к ним — закрытые двери, пустые квартиры, соседи пожимают плечами. Потом накатило осознание, холодное и липкое, как пот.

Деньги ушли. Бизнес ушёл. Братья, которым он доверял как себе, оказались крысами.

Но кое-что осталось. Заначка. Чёрный нал, припрятанный на самый чёрный день. Он хранил его не в банке — в гараже, в старой спортивной сумке под грудой хлама. Пачки долларов и евро, перетянутые резинками. Не гигантская сумма, но достаточная, чтобы продержаться. Чтобы не сдохнуть с голоду. Чтобы попытаться встать на ноги.

Эти деньги он не тронул сразу. Сначала жил на то, что оставалось на картах, пытался решить вопросы. Но когда всё рухнуло окончательно, когда знакомые перестали брать

трубку, а на дверь повесили замок — он поехал в гараж и открыл сумку.

Денег хватило на несколько месяцев. Он снимал дешёвую квартиру, питался дошираком, но главное — продолжал искать выход. Встречался с какими-то мелкими дельцами, пытался войти в новую тему. Но без связей и репутации ничего не выходило. Его обманывали, подводили, кормили обещаниями.

А потом деньги кончились.

И Танька.

Она держалась какое-то время. Месяц, может, два. Пока он пытался что-то спасти, дёргался, занимал, срывался на ней, орал, плакал. Она ходила по квартире с каменным лицом, а потом однажды вечером встала в дверях с чемоданом и сказала:

— Я так больше не могу. Ты превратился в дерьмо. Ты проиграл. И я с тобой проигрывать не хочу.

Он помнил её глаза в тот момент. У неё были ярко-зелёные глаза — такого чистого, глубокого оттенка, что иногда казалось, будто она носит линзы. Но это были свои, настоящие. Раньше они сверкали — когда она смеялась, когда злилась, когда требовала денег на новый шмот. А в тот вечер они стали просто стеклянными. Пустыми. Как у человека, который принял решение и больше ничего не чувствует.

— Тань, — сказал он тогда. — Я поднимусь. Дай мне время.

— Ты уже не поднимаешься, — ответила она. — Ты сломлен. Ты всем должен. И я тебе ничего не должна.

Дверь хлопнула. Он остался один в пустой съёмной квартире, из которой через неделю его выселили.

Вот тогда началось настоящее дно. Не красивое, не киношное — грязное, липкое, вонючее. Сначала он продал машину. Потом — всё ценное, что оставалось. Ночевал у случайных знакомых, потом у совсем незнакомых, потом — где придётся. Займы, долги, враньё.

И тогда он начал пить.

Сначала по вечерам — чтобы снять напряжение. Потом с утра — чтобы проснуться. Потом пошло-поехало: водка, дешёвый вискарь, потом что-то потяжелее. Наркотики вернулись в его жизнь, как старые друзья — те, что не предадут. Временно.

Иногда он думал о Таньке. Представлял, как она живёт — красивая, наглая, с новым мужиком. Или одна, но успешная. Или вообще уехала куда-нибудь к морю, она всегда хотела к морю. И каждый раз, когда он о ней думал, внутри поднималась такая тоска, что он наливал ещё.

Последнее, что он помнил перед больницей, — грязная комната в какой-то халупе на окраине. Пустые бутылки. Телефон, который молчит. И ощущение, что он уже умер, просто тело ещё не поняло.

А потом — свет. Капельница. Медсестра с тёплым голосом. «Вас привезла жена».

Глава 3. Звонок

Он тряхнул головой, прогоняя воспоминания, как мух. Затянулся в последний раз, щелчком отправил бычок в урну — тот чудом попал — и достал из кармана бумажку с номером.

Семь цифр. Семь простых цифр, а набрать их оказалось труднее, чем вскрыть чужой сейф.

Гудки. Длинные. Он уже решил, что сбросит, но на четвёртом гудке трубку сняли.

— Да? — голос был Танькин. И не Танькин. Мягкий. Спокойный. Без привычного лающего тембра.

— Тань, — сказал он. — Это я.

Пауза. Он ждал чего угодно. «Ты зачем звонишь?», «Откуда телефон?», «Пошёл на хер».

— Ой, — сказала она. И вдруг — он не поверил ушам — в голосе послышалась радость. — Ты вышел? Как ты? Как себя чувствуешь? Я так волновалась.

Он чуть не выронил телефон. Волновалась? Она?

— Нормально, — выдавил он. — Мне сказали... это ты меня привезла.

— Ну да. А кто ещё? Ты бы себя видел. Я думала — всё. Но теперь ты в порядке. Я очень рада. Правда.

Она замолчала, но молчание было не напряжённым, а каким-то уютным. Как будто они старые друзья, которые давно не созванивались.

— Тань, — он решил брать быка за рога. — Слушай, я хочу встретиться. Поговорить. Ты где сейчас вообще? Чем занимаешься?

— Ой, — она засмеялась. Смех был лёгкий, без прежней истерической ноты. — Ты не поверишь. Я студентка.

— Чего? — он прижал трубку плотнее, как будто плохо расслышал. — Какая, на хер, студентка? Ты же институт бросила. Ты говорила: «Тошнит от занудства».

— Я помню, — сказала она. — Это было глупо. А теперь я восстановилась. Возрастная психология. Буду с детьми работать. Знаешь, это так интересно. Я даже не ожидала, что меня так захватит. Сижу на лекциях — и кайфую.

Он молчал. В голове не укладывалось. Танька, которая когда-то швырялась учебниками, которая говорила «вся эта учёба для лохов», — сидит на лекциях? Кайфует?

— Тань, — сказал он осторожно. — Ты это... серьёзно?

— Абсолютно. Я вообще другая теперь. Ты сам увидишь. Приезжай. Я как раз сегодня буду в сквере у института, готовиться к семинару. У фонтана. Там хорошо, лавочки. Приезжай — поговорим. Я тебя очень хочу увидеть.

Очень хочет увидеть. Не «надеюсь, ты сдохнешь». Не «проваливай». А «очень хочу увидеть».

— Ладно, — сказал он медленно. — Приеду.

— Вот и отлично! — в её голосе снова мелькнула та самая радость. — Буду ждать. Ты только не волнуйся, всё будет хорошо. Береги себя.

Она положила трубку. Он ещё секунду держал телефон у уха, слушая тишину. Потом сунул его в карман и закурил новую сигарету. Рука дрожала.

Студентка. Танька — студентка. И голос. Этот голос. Он был тёплый, но от него шёл холодок. Как от солнца в морозный день — светит ярко, а греть не греет.

Он забил адрес института в приложении и вызвал такси.

Глава 4. Такси

Машина пришла ровно через три минуты. Белая, чистая. Таксист — парень лет тридцати, аккуратный, с мягкими глазами — обернулся и улыбнулся:

— Добрый день! Пристегнитесь, пожалуйста.

Он хмыкнул, но пристегнулся. Поехали. На Садовом встали. У поворота, где раньше вечно кипела бойня — четвёртый ряд, пятый, все сигналият — машины стояли ровно, в один ряд.

— Э, — он подался вперёд. — Ты чё встал? Давай вон справа.

Таксист повернулся. Голос тёплый, без капли агрессии, но и без подобострастия — просто спокойный:

— Там сплошная. Нарушать не хочется. Понимаете?

— Чего? Всю жизнь тут так ездили.

— Я тоже так раньше ездил, — сказал таксист. — А потом понял: когда не лезешь, когда ждёшь своей очереди — внутри так спокойно делается. Вы попробуйте как-нибудь.

Это как... медитация.

— Ты серьёзно?

— Абсолютно. Вы не волнуйтесь, мы просто постоим. Это ненадолго. Давайте я пока музыку включу, хорошая песня есть. Вы какую любите?

Он откинулся на сиденье. Таксист включил что-то инструментальное, спокойное, без слов. Пробка ползла. Позади выстроились ещё машин пять — и никто не сигналил.

— Останови, — сказал он наконец. — Я выйду.

— Здесь нельзя, — улыбнулся таксист. — Здесь сплошная. Но на следующем светофоре — пожалуйста.

На светофоре он вышел, хлопнув дверью. Таксист опустил стекло и сказал искренне, даже с какой-то теплотой:

— Хорошего вам дня! Берегите себя.

Он не обернулся. Но от этой искренней заботы его передёгнуло сильнее, чем от мата.

Он стоял на тротуаре, переводил дыхание, и тут увидел — подъезжает трамвай. Тот самый маршрут, на котором он когда-то, сто лет назад, ездил. Он не раздумывал — шагнул в открытую дверь.

Глава 5. Трамвай

Он вошёл в вагон. Двери закрылись. Трамвай дёрнулся и поплыл.

Народу было прилично. Он встал у окна, держась за поручень, и по привычке приготовился. Сейчас начнётся: тол-

котня, чей-то локоть в бок, крик «выходят на следующей!». В такой час тут всегда был ад. Он даже чуть расставил локти — на всякий случай.

Но ничего не произошло.

Люди стояли спокойно. Кто-то читал с телефона. Двое у дверей тихо переговаривались. Кондуктор — женщина лет сорока — прошла по вагону со сканером в руке.

— Оплачиваем проезд, пожалуйста, — говорила она, прикладывая сканер к телефонам пассажиров. — Спасибо большое, хорошего дня!

Она улыбалась. И люди улыбались ей в ответ. Он заметил это краем глаза и сначала не придавал значения. Ну, улыбаются. Ну, вежливые. Бывает.

Трамвай качнуло. Какая-то девушка неловко шагнула и наступила ему на ногу.

— Ой! — она отдернула ногу и подняла на него глаза. — Извините, пожалуйста! Я вас сильно задела?

Она говорила с такой искренней заботой, что он растерялся. Раньше в такой ситуации полагалось рывкнуть в ответ — или пошутить, или просто кивнуть. А тут — столько тепла в голосе, будто они знакомы.

— Нормально, — буркнул он и отвернулся.

Девушка ещё раз извинилась и отошла. А он остался стоять, и что-то внутри него слегка сдвинулось. Не то чтобы ему не хватило хамства. Просто... он не понял, как на это реагировать. Слишком. Слишком вежливо. Слишком по-доб-

рому.

Он оглядел вагон. Всё было нормально. Обычные люди. Обычные лица. Но что-то в них было не так — он не мог уловить, что именно. Как будто смотришь на картинку и чувствуешь подвох, а найти не можешь.

На остановке он вышел. Трамвай уехал. Он постоял на тротуаре, пожал плечами — ерунда какая-то, показалось, — и пошёл к институту.

Глава 6. Город

Он шёл и смотрел по сторонам. Город был чистый. Ну, бывает. Убрались.

Потом он заметил, что на асфальте нет ни одного бычка. Вообще. Он помнил этот район — тут вечно валялись окурки, обёртки, пивные банки. А теперь чистота, как в операционной. Он хмыкнул: дворники, что ли, озверели? Ну ладно.

Закурил. Затянулся. И тут до него дошло.

Никто вокруг не курил.

Он стоял посреди людной улицы, и ни у одного человека не было сигареты. Ни вейпа. Ни пара. Люди шли мимо — и никто не курил. Он докурил до фильтра и почему-то почувствовал себя неловко. Как будто он один тут делает что-то запретное. Хотя запрета не было. Просто никто не курил — и всё.

Он демонстративно уронил бычок на асфальт.

Никто не обернулся. Только через полминуты откуда-то

появился дворник — обычный мужик в оранжевой жилетке, — молча подобрал окурок, положил в пакет и ушёл. Даже не посмотрел на него.

Герой затушил вторую сигарету о подошву и сунул окурок в карман. Не из принципа. Просто вдруг стало неудобно мусорить. Хотя раньше он об этом вообще не задумывался.

Он пошёл дальше. Город был чистый. Люди были вежливые. Никто не толкался, никто не хамил. Вроде бы всё правильно. Вроде бы так и должно быть.

Но внутри поселилось смутное, неоформленное чувство: что-то не так. Как будто он пропустил важное объявление, и теперь все играют по новым правилам, а он единственный не в курсе.

Глава 7. Жена

Он нашёл её в институтском сквере. Она сидела на лавочке у фонтана, грызла яблоко и листала методичку. На коленях — конспект, подчёркнутый ровными линиями. Ни чертика, ни цветочка.

Сначала он её даже не узнал.

Раньше Танька была как пожар. Ярко-рыжие волосы — она их то выпрямляла в струну, то начёсывала так, что он шутил: «Тань, у тебя на голове лев». Губы — надутые, блестящие, похожие на две глянцевые подушки. Он их называл «пельмени» и каждый раз получал по плечу, но ей нравилось: она говорила, что это сексуально. И грудь — силиконо-

вая, большая, дорогая, предмет её гордости. Она могла часами выбирать декольте, а когда кто-то пялился, довольно шурилась и шептала ему: «Смотри-смотри, пусть завидуют».

Но главное — глаза. У неё были ярко-зелёные глаза, чистые, как изумруд, и она это знала. Раньше она красила ресницы так, что глаза становились двумя выстрелами, и каждый мужик, который попадался ей на пути, сначала видел эти глаза, а потом всё остальное. Он сам когда-то попался именно так — встретил её взгляд в баре и пропал. Она тогда скользнула по нему своими зелёными глазами и ухмыльнулась: «Чё уставился?» А у него внутри что-то оборвалось.

Прямой классический нос с тонкой переносицей она ненавидела за веснушки. Каждое утро, пока он пытался проснуться, Танька стояла у зеркала и замазывала их тональным кремом. Слои за слоями. «Я как в горошек. Как дура». Он всегда ржал: «Тань, это секс, это красиво». Она швыряла в него спонжем и орала: «Иди на хер! Ничего ты не понимаешь!»

Теперь — она сидела на лавочке, и на ней не было ни грамма косметики.

Веснушки — те самые, которые она так яростно прятала — теперь рассыпались по её носу и щекам, и она их не стеснялась. Солнце подсвечивало их, и они золотились, как маленькие монетки. Волосы — всё того же ярко-рыжего цвета — были просто собраны в хвост. Одевалась просто: джинсы, светлая блузка. Никаких вырезов, никаких блёсток.

Он посмотрел на её губы — и внутри что-то ёкнуло. Они больше не были надутыми. Филеры, которые она колола раз в полгода, исчезли. Губы были обычные, свои, чуть тонковатые, но живые. Они двигались естественно, когда она улыбалась. А под блузкой не угадывалось тех самых, силиконовых шаров. Грудь была плоская, естественная — явно уменьшилась на пару размеров.

Но глаза — глаза были те же. Ярко-зелёные, чистые, до мурашек знакомые. Только теперь они смотрели иначе. Раньше в них был вызов, искра, азарт. Теперь в них было что-то другое. Покой? Тепло? Он не мог подобрать слово.

Он стоял и смотрел. Внутри всё сжалось, готовясь к привычному: сейчас поднимет глаза — начнётся. Крик, мат, сумка в голову.

Она подняла глаза.

— Ой! — она просияла. И её нос — этот прямой, усыпанный веснушками нос — сморщился в улыбке. А зелёные глаза засветились так, что у него перехватило дыхание. — Привет!

Улыбка была не прежняя — зубастая, с прищуром, когда она скалилась надутыми «пельменями» так, что он ждал щелчка челюстей. Эта была тёплая, открытая. Губы двигались мягко, без прежней глянцевої натянутости.

— Тань, — сказал он хрипло. — Ты чё, блин. Чё за методичка? Ты что, реально?..

— Садись! — она подвинулась, хлопнув ладонью по ска-

мейке. — У тебя усталый вид. Хочешь яблоко? Оно вкусное. Я теперь только здоровое ем, представляешь? Мне так легко от этого!

Он не садился. Он смотрел на её лицо, на нос, на эти чёртовы веснушки, на губы — те самые, которые он когда-то называл «пельменями». Теперь они были просто губами. И грудь — он не мог отвести взгляд — была просто грудью. А глаза — глаза смотрели на него с такой теплотой, что хотелось отвернуться.

— Ты... ты изменилась, — сказал он глупо. — Где силикон?

Она не обиделась. Она засмеялась — легко, свободно, и её зелёные глаза заискрились:

— Вытащила. Импланты мешают деторождению. Это вредно для ребёнка. А я хочу быть матерью. Понимаешь? Здоровой матерью.

— Ты ими гордилась. Ты же их в Турции делала. Говорила: «Я хочу, чтобы мужики сворачивали шеи».

— Я была глупая. — Она посмотрела на него ясными, счастливыми глазами. — Это всё было от неуверенности. А теперь я себя люблю. Понимаешь? Вот такую — без силикона, без филеров, с веснушками. Это я. Настоящая. Может, впервые в жизни.

Он молчал. Танька, которая говорила «я себя люблю» — без вызова, без бравады, а просто как факт — это было страшнее, чем если бы она его послала.

— Тань, — сказал он. — Ты же институт бросила. Ты орала: «К чёрту, меня тошнит от занудства».

— Да! — она снова засмеялась, и веснушки на носу запрыгали, а глаза, эти ярко-зелёные глаза, сияли так, что было больно смотреть. — Я была такая глупая! А теперь я кайфую от учёбы. Честно. Ты бы знал, как интересно. Я на возрастной психологии. Хочу с детьми работать.

Просто сидела и светила. И он вдруг понял, что не может её оттолкнуть. Она была клёвая. Реально клёвая. И от этого внутри всё ломалось.

— Ладно, — сказал он наконец. — Ладно. Слушай, а ты сейчас куда?

Она взглянула на телефон.

— У меня ещё одна пара через полчаса, — сказала она. — А потом я свободна. Знаешь что? Приходи ко мне вечером. Посидим, чай попьём, я расскажу, как живу. Ты расскажешь, как ты. Если хочешь, конечно.

Она порылась в сумке, вырвала листок из конспекта и написала адрес. Почерк ровный, аккуратный.

— Часов в семь, — сказала она. — Успеешь?

— Успею, — он кивнул, забирая листок.

Она улыбнулась, легко коснулась его руки и ушла, не оглянувшись. Он стоял и смотрел ей вслед. Рыжий хвост мелькал среди деревьев. Потом исчез.

Он остался один в сквере. В голове звенело. Время до вечера надо было как-то убить. А ещё лучше — залить.

Он развернулся и пошёл в сторону старого бара.

Глава 8. Бар

Старый бар на углу, где они когда-то отмечали удачные дела, оказался на месте. Та же дверь, тот же козырёк. Он толкнул дверь с предвкушением — и замер.

Внутри было светло. Чисто. На стенах — книжные полки. Вместо барной стойки — стеллаж с чаями.

— Это что? — спросил он у девушки за стойкой.

— Бук-кафе! — сказала она звонко. — У нас чай, травяные сборы. Хотите меню?

— Водка есть?

Девушка моргнула — на четверть секунды в глазах мелькнула заминка, — но тут же улыбнулась ещё теплее:

— Алкоголь вреден. Но у нас отличный ройбуш с чабрецом. Он успокаивает. И способствует ясности ума. Честное слово, вам понравится!

— Мне не надо ясности.

— Понимаю, — она наклонилась чуть вперёд, голос стал заговорщицким, почти интимным. — У вас трудный день, да? У меня тоже так бывает. А потом я выпью чаю — и всё проходит. Давайте я вам заварю. За счёт заведения. У нас акция «Первый раз — добро пожаловать».

Он сел. Чай принесли. Безвкусный, травяной. Он пил и смотрел, как люди вокруг обсуждают проекты, смеются, и смех этот — искренний, без подвоха.

Девушка у стойки поймала его взгляд и подмигнула: «Всё хорошо?» Он допил, встал и вышел. В голове стучало одно: выпить. По-настоящему.

Глава 9. Алкомаркет

За углом — он помнил до сантиметра — был алкомаркет. Крошечный, с мутным стеклопакетом и продавщицей Любой. Люба швыряла бутылку на прилавок и говорила: «Следующий». Он хотел Любу.

Он свернул за угол. Витрина сияла. Полки белые. На полках — комбинезоны, пинетки, погремушки. Вывеска: «МАЛЫШ».

Он замер. Вошёл. Пахло присыпкой.

— Добрый день! — девушка в пастельном халате подняла глаза и улыбнулась. — У вас малыш? У нас новое поступление бодиков!

— Водка. Бутылка. Здесь. Всегда. Была.

Она чуть наклонила голову, не теряя улыбки:

— Вы знаете, мы уже два года здесь. Здесь всегда был детский. А алкоголь... он же вреден. Особенно в вашем состоянии. Может, вам воды?

— Два года, — повторил он. — Здесь продают ползунки.

— Да! Посмотрите, — она подняла крошечную вещицу с вышитым зайцем. — Правда, мило? У вас точно нет малыша? Может, племянник? Или у друзей? Это отличный подарок.

Заяц смотрел на него. Не осуждал. Просто хотел, чтобы его купили.

Он вышел, не попрощавшись. Постоял на тротуаре. В левом кармане — пустота. В правом — смятая пачка. Пять сигарет. Пять грязных, вонючих, смертельно вредных сигарет — его последнее алиби.

Он закурил и пошёл прочь. Город был трезв. И он в нём — один. Тоже трезвый.

Но теперь у него была цель — адрес, написанный Танькиным новым почерком. И через несколько часов он пойдёт к ней.

Глава 10. У неё дома

Он позвонил в дверь ровно в семь. Она открыла — всё в той же блузке, с тем же хвостом, с теми же веснушками.

— Проходи, — сказала она просто.

Квартира была маленькая, но уютная. Книги на полках. Цветок на подоконнике. Никаких плакатов, никаких зеркал в полный рост, никаких шмоток, разбросанных по стульям. Чисто. Просто.

— Садись, — она кивнула на диван. — Я чайник поставлю.

Он сел. Огляделся. На журнальном столике лежала раскрытая книга — что-то по педагогике, с закладкой. Рядом — фотография. Он присмотрелся: Танька с какой-то пожилой женщиной, обе смеются. И Танька на фото была точно такая

же, как сейчас — с веснушками, со своими губами, и глаза её, зелёные, сияли так, как он никогда не видел раньше.

— Это кто? — спросил он, когда она вернулась с чашками.

— Это моя куратор из программы, — она протянула ему чашку. Чай был чёрный, с сахаром, как она и обещала. Никакого чабреца. — Хорошая женщина. Помогает мне.

— В чём помогает? — он напрягся.

— Во всём. Разобраться в себе. Понять, чего я хочу. Я раньше вообще не понимала, чего хочу. А теперь понимаю. — Она села в кресло напротив, поджала ноги и обхватила чашку ладонями. Её зелёные глаза смотрели на него мягко, без вызова. — Я хочу быть полезной. Это такое... знаешь, как будто всю жизнь шла не туда, а потом развернулась и пошла туда. И всё сошлось.

Он пил чай и смотрел на неё. Она не агитировала. Она не произносила слово «миссия». Она просто рассказывала — и светила.

— Тань, — сказал он осторожно. — А ты не думаешь, что это... ну, неправильно? Что тебя как будто подменили?

Она задумалась. Отпила чай. Потом поставила чашку на столик и посмотрела на него серьёзно. Её зелёные глаза стали глубже, темнее — как будто она смотрела внутрь себя.

— Знаешь, я тоже так думала. Сначала. Когда со мной это только начало происходить. Я боялась, что теряю себя. А потом поняла: я не теряю. Я нахожу. То, что было раньше

— это не я. Это была броня. Это были травмы. А теперь я от них освободилась.

— Травмы? — он усмехнулся. — Тань, ты была самой наглой бабой в Москве.

— Я была самой несчастной, — сказала она тихо. Её зелёные глаза на секунду стали влажными, но она тут же моргнула и улыбнулась. — А теперь я счастлива. Это плохо?

Он не ответил. Потому что она сидела перед ним — тёплая, живая, с веснушками, без силикона, без филеров, с ярко-зелёными глазами, которые смотрели на него с любовью, — и была счастлива. Реально счастлива. И назвать это плохим у него язык не поворачивался.

Они сидели ещё час. Она рассказывала про учёбу, про преподавателей, про то, как трудно ей давалась математика, а теперь она её понимает. Он рассказывал про больницу, про таксиста, про трамвай, про бар, про алкомаркет. Она слушала и смеялась — не над ним, а над городом: «Да, тут все такие, это заразно!» — и от её смеха у него теплело внутри.

Один раз, когда она смеялась, её глаза встретились с его глазами — и он замер. В них мелькнуло что-то прежнее. Та самая искра. На секунду. На долю секунды. А потом снова — тепло, покой, любовь.

Когда стемнело, он поймал себя на том, что сидит и просто смотрит на неё. На её веснушки. На её живые губы. На то, как она поправляет волосы — без прежнего кокетства, а просто потому, что прядь выбилась из хвоста.

— Ладно, — сказал он. — Поеду, наверное.

— Оставайся, — сказала она просто.

Он замер. Раньше она говорила это иначе — с вызовом, с требованием, с подтекстом «только попробуй уйти». Теперь — мягко, спокойно. Как будто предлагала чай.

— Тань, — он мотнул головой. — Я... не знаю. Мы столько не виделись. Я вообще не понимаю, что происходит.

— Я тоже не понимаю, — она улыбнулась. — Но я знаю, что хочу, чтобы ты остался. Правда. Без всяких условий. Просто побудь рядом.

Он посмотрел в её зелёные глаза. Они были ясные, открытые. И он остался.

Глава 11. Близость

Она постелила ему на диване, но когда он вышел из ванной, она стояла у окна и смотрела на огни города.

— Темно уже, — сказала она, не оборачиваясь. — И тихо. Раньше я не любила тишину. Включала телик, музыку, что угодно, лишь бы не слышать себя. А теперь слушаю — и хорошо.

Он подошёл и встал рядом. Она была ниже его на голову, и её рыжие волосы пахли чем-то простым — не духами, а шампунем, чистотой. Он вспомнил, как раньше она душилась так, что за километр было слышно. «Чтобы все знали, что я здесь», — говорила она.

— Тань, — сказал он тихо. — Ты реально другая.

— Я знаю, — она повернулась к нему. — Тебе страшно?

— Немного.

— Мне тоже. — Она коснулась его руки. — Но я хочу, чтобы ты был здесь. Сейчас. Со мной.

Он обнял её. Осторожно, почти робко, как будто впервые. Раньше они сходились как два бойца — с рывком, с жадностью, с хрипом. А теперь всё было иначе.

Она положила голову ему на плечо, и он почувствовал, как она дышит. Медленно. Спокойно. Он провёл ладонью по её спине, и под блузкой не было того жёсткого каркаса, который она носила раньше. Только тёплая кожа, только живое тело.

— Ты без силикона, — сказал он глупо.

— Без, — она тихо засмеялась. — Тебе не нравится?

— Нравится, — сказал он честно. — Ты настоящая.

Она подняла голову и посмотрела ему в глаза. Её зелёные глаза в полутьме казались бездонными. Она потянулась и поцеловала его — мягко, нежно, без прежней хищной хватки. И он ответил — так же мягко, удивляясь себе.

Всё, что было потом, было не похоже ни на что, что они делали раньше. Никакой борьбы. Никакой гонки. Медленные, осторожные движения, как будто они впервые видели друг друга обнажёнными. Он касался её тела — и узнавал его заново. Её грудь, теперь своя, живая, мягко ложилась в ладонь. Её кожа пахла просто Танькой, без приторных духов и косметики. Веснушки на плечах, которых он никогда не

замечал раньше.

Она отвечала ему — не с требованием, не с командой «дай, жми», а с тихой, удивительной нежностью. Иногда она закрывала глаза и просто дышала, и он чувствовал, как она отдаётся моменту. Не ему — моменту. И ему это нравилось больше, чем всё, что было у них прежде.

Потом они лежали в темноте. Окно было приоткрыто, и с улицы не доносилось ни звука — только где-то далеко шелестели шины. Город спал. Или делал вид, что спит.

— Знаешь, — сказала она тихо, — я хочу тебе кое-что рассказать.

— Рассказывай.

Она помолчала. Он чувствовал, как она перебирает пальцами край простыни — старый нервный жест, единственное, что осталось от прежней Таньки.

— Я стала донором яйцеклеток.

Он замер. Рука, лежавшая на её плече, напряглась.

— Чего?

— Донором, — повторила она спокойно. — Я сдаю яйцеклетки. Для программы. Государство помогает с жильём, с пособием. Но дело не в деньгах. Просто я поняла, что хочу давать жизнь. Это такое чудо, понимаешь? Маленькое чудо. И я могу в нём участвовать.

Он молчал. В голове не укладывалось. Танька, которая таблетки горстями жрала, которая говорила «дети — это груз», которая боялась рожать как огня, — сдаёт яйцеклет-

ки?

— Тань, — сказал он медленно. — Ты же не хотела детей. Вообще.

— Я знаю, — она вздохнула. — Это была не я. Я была... больная. А теперь я хочу. Хочу семью. Хочу детей. Настоящих. Своих.

Она повернулась к нему. Её зелёные глаза блеснули в темноте.

— И ещё, — сказала она. — Я хочу, чтобы ты был со мной. Не как раньше. По-настоящему.

Он лежал и смотрел в потолок. Сердце стучало где-то в горле. Рядом лежала женщина, которую он когда-то любил и ненавидел одновременно. Женщина, которая спасла ему жизнь. Женщина, которая теперь хотела семью, детей, «по-настоящему». И она была настоящая — тёплая, живая, без силикона, без филеров. Но где-то внутри он не мог отделаться от мысли: кто это? Кто занял её тело?

— Тань, — сказал он наконец. — Я не знаю, что сказать.

— Ничего не говори, — она прижалась к нему. — Просто будь. Хотя бы сегодня.

Он обнял её и закрыл глаза. Она дышала ровно, спокойно, и через несколько минут уснула. А он лежал без сна, смотрел в тёмный потолок и думал.

Донор яйцеклеток. Семья. Дети. Слова, которые она проносила с той же тёплой, счастливой интонацией, с какой таксист говорил о правилах дорожного движения, а девушка

в кафе — о ройбуше. Как будто кто-то переписал ей текст. Как будто кто-то вынул из неё всё острое, всё угловатое, всё злое — и залил пустоту светом.

Он вспомнил её слова там, в прошлой жизни: «Ты сломлен. Ты всем должен». А теперь она говорила: «Я хочу, чтобы ты был со мной. По-настоящему». И от этого перепада у него кружилась голова.

Он не ушёл. Остался. Забылся тревожным сном только под утро.

Глава 12. Утро

Он проснулся от солнечного света. Окно было без штор, и солнце било прямо в лицо — наглое, чистое, безжалостное.

Её уже не было. На подушке осталась вмятина и запах — её запах, простой, без духов. Он повернулся, провёл ладонью по простыне. Холодная. Ушла давно.

На кухне что-то гудело — холодильник. Он встал, прошёлся босиком по чистому полу. На столе лежала записка, придавленная стаканом с йогуртом.

«Убежала в институт. Завтрак на столе. В холодильнике ещё есть. Вечером вернусь. Целую. Т.»

Целую. Она написала «целую». Он перечитал записку дважды. Почерк у неё был новый — ровный, аккуратный. Раньше она писала как курица лапой, с наклоном влево и вечными зачёркиваниями.

Йогурт оказался с мюсли и ягодами. ПП-завтрак. Он

хмыкнул. Танька, которая когда-то завтракала шампанским и сигаретой, оставила ему полезный йогурт. Он съел его, стоя у стола, и включил телевизор. Просто так. Чтобы был звук.

На экране появилась ведущая — женщина лет сорока, приятная, без лишнего макияжа, в светлом костюме. Она улыбалась. Все тут улыбались.

— Доброе утро! Главные новости к этому часу. В мире окончательно завершились все кровопролитные конфликты. Последнее перемирие, подписанное вчера, поставило точку в череде войн, длившихся десятилетиями. Эксперты называют это величайшим достижением в истории человечества.

Он перестал жевать и уставился на экран. Там показывали карту мира. Ни одной красной зоны. Ни одного горящего очага. Весь земной шар — зелёный.

— Как сообщают источники, за последний год дипломатические усилия привели к беспрецедентному результату: все стороны пришли к соглашению. Подробности у нашего корреспондента.

Он не дослушал. Все конфликты? Совсем все? Он помнил, как ещё год назад в новостях мелькали сводки: там взорвали, тут обстреляли, здесь беженцы. А теперь — ничего? За год?

Ведущая тем временем перешла к следующей теме, и её голос стал ещё теплее:

— А теперь хорошие новости для будущих родителей. Строительство детских центров по всему миру идёт по пла-

ну. На сегодняшний день построено уже более десяти тысяч центров воспроизводства и воспитания детей. Программа, инициированная международным сообществом, обеспечивает лучшие условия для рождения и развития нового поколения.

На экране показали здание — огромное, светлое, с панорамными окнами. Дети играли на лужайке. Молодые мамы катили коляски. Все улыбались. Солнце светило. Кадры были такими красивыми, что напоминали рекламу.

Десять тысяч центров. Он попытался осмыслить эту цифру и не смог. Десять тысяч — это в каждой стране? В каждом крупном городе?

— И наконец, — ведущая сделала паузу, — новость, которую ждали десятилетиями. Сегодня Всемирная организация здравоохранения официально объявила: рак побеждён окончательно. Последний пациент с онкологическим диагнозом выписан из клиники. Учёные благодарят за поддержку все страны, участвовавшие в программе.

На экране появился график — падающая кривая, уходящая в ноль. Потом — кадры: врачи жмут друг другу руки, пациенты обнимаются, кто-то плачет.

Ведущая улыбалась. За её спиной на огромном экране распускался цветок — белый, чистый, идеальный.

Он выключил телевизор. Постоял минуту в тишине.

В голове что-то происходило — то, чего не было уже очень давно. Старый механизм, заброшенный и заржавевший, пы-

тался провернуться. Он чувствовал это почти физически: как будто где-то в глубине мозга просыпался давно забытый дар, который когда-то делал его королём.

Войны кончились. Рак побеждён. Десять тысяч детских центров. Вежливые таксисты. Счастливые кондукторы. Танька, которая хочет быть матерью. Дворник, который не смотрит в глаза. Никто не курит. Никто не пьёт. Никто не хамит.

Он видел эти факты — разрозненные, не связанные. И вдруг, впервые за долгое время, он почувствовал: между ними есть связь. Как будто кто-то нарисовал невидимую сеть, и теперь он начинал различать ЕЁ нити.

Это было похоже на пробуждение. Медленное, мучительное, но неотвратимое. Его старый дар возвращался к нему — не для бизнеса, не для наживы. Для того, чтобы понять: что ОНА сделала с этим миром.

Он оделся, сунул в карман смятую пачку сигарет и вышел из квартиры.

Ему нужно было подумать. Но сначала он всё-таки попытается выпить. Где-то в этом городе должен быть алкоголь. Должен быть.

Книга вторая. Инфильтрация

Глава 1. Чутьё

Сергей жил у Тани уже третий месяц.

Он не планировал задерживаться. Думал — неделя, может, две. Перекантоваться, пока не придумает, что делать

дальше. Но недели складывались в месяцы незаметно, как ручьи в реку. Каждое утро он просыпался в её постели. Каждое утро она уходила раньше — в институт или в центр донорства — и оставляла на столе йогурт и записку. Почерк ровный, аккуратный, без единой помарки. «Убежала. Завтрак на столе. Вечером вернусь. Целую. Т.»

В это утро записка тоже лежала на столе, придавленная стаканом. Он прочёл её, хмыкнул и сунул в карман — сам не зная зачем. Раньше он выбрасывал. Теперь собирал, как будто они могли пригодиться в качестве доказательств. Доказательств чего? Он и сам не знал.

Ключи она дала ему в первый же вечер.

Он тогда только вошёл, огляделся, сел на диван. Она принесла чай, поставила на столик, потом села рядом — не в кресло напротив, а рядом, на диван. Он помнил это до деталей: как она повернулась к нему, как взяла его руку в свою — ладонь была тёплая и сухая, не то что раньше, когда она вечно нервничала и пальцы у неё были влажные. И как вложила в его ладонь два ключа на простом металлическом кольце.

— Держи. Это от квартиры. И от подъезда.

Он опустил глаза. Ключи. Два ключа. От её дома.

— Тань... — начал он.

— Ничего не говори, — она сжала его пальцы вокруг ключей. — Я знаю, что ты можешь уйти. Можешь сорваться. Можешь сделать что-то, о чём я потом пожалею. Но я хочу, чтобы у тебя были ключи. Чтобы ты знал: тебе есть куда прийти.

В любое время. Без звонка. Без спроса.

Он смотрел на их руки — её ладонь, накрывшая его кулак с зажатыми внутри ключами.

— Ты сумасшедшая, — сказал он тихо.

— Возможно, — она улыбнулась. — Но я счастлива. А счастливые люди имеют право на безумства.

Она не убрала руку. Так и сидела — держа его кулак в своей ладони. И он вдруг почувствовал, как внутри что-то сдвинулось. Не страсть. Не привычка. Что-то другое, чему он пока не знал названия.

Ключи нагрелись от тепла двух тел.

Он взял их. И с этого момента у него был дом. Впервые за долгое время — дом. И это было самым страшным, что с ним случилось после больницы. Потому что теперь он не просто жил у неё. Он принадлежал ей. А она — ему. И от этого всё становилось только сложнее.

Курс коррекции он прошёл ещё в первый месяц.

Это было условие куратора: если хочешь помогать другим — сначала помоги себе. Сергей согласился не потому, что хотел «исцелиться». Он хотел понять. Как это работает? Что они делают с людьми? И почему после этого люди становятся такими?

Его водили в светлую комнату. Усаживали в кресло. И говорили с ним. Долго. О детстве. О матери, которая пила. Об отце, который ушёл. О Кисе и Толмаче. Об алкоголе. О наркотиках. О Тане.

Он думал, что его будут ломать. Оказалось — нет. Его просто слушали. Кивали. Задавали вопросы. Никакой аппаратуры, никаких таблеток. Только голос специалиста — ровный, спокойный, иногда участливый, иногда жёсткий, когда нужно было встряхнуть. Иногда Сергею казалось, что с ним работает не человек, а кто-то гораздо более опытный и точный в своих реакциях — но он гнал от себя эту мысль. В конце концов, он сам был когда-то мастером разговора. Он знал, как словами можно развернуть человека.

Но с ним что-то произошло. Не сразу. Где-то после пятой или шестой встречи он заметил, что больше не просыпается с желанием выпить. Что мысль о водке больше не вызывает прежней тяги. Он мог пройти мимо бара и не замедлить шаг. И это было настолько странно, что он не стал рассказывать об этом даже Тане.

Его не дожали.

Сергей не знал, почему. Может, его дар — та самая способность видеть связи и анализировать — сработал как защита. Может, они просто не нашли к нему ключа. А может, с самого начала знали, что он притворяется, и оставили его в покое намеренно — как часть какой-то более сложной игры. Этого он пока не понимал.

Однажды он поймал себя на том, что улыбается. Не наигранно. Просто уголки губ сами поползли вверх, когда он слушал, как один из его подопечных рассказывает, что впервые за десять лет позвонил матери. И он испугался. Потому

что улыбка была настоящая. И от этого ему стало холодно.

Две недели назад его назначили руководителем группы.

Куратор сказал: «Вы хорошо справляетесь. У вас дар — вы чувствуете людей. Это редкость». Сергей кивнул, хотя внутри усмехнулся: дар у него был, но не тот, о котором думал куратор.

Теперь он сидел в светлой комнате с восемью незнакомыми людьми и помогал им становиться счастливыми. Он слушал их истории, кивал, говорил правильные слова. «Вы на верном пути». «Это нормально — сомневаться». «Попробуйте технику благодарности». Он придумывал эти фразы на ходу, брал из методичек, копировал интонации куратора — и это работало.

Люди на группе менялись. Вот мужчина, который на первом занятии сидел с каменным лицом и не мог выдать ни слова, через неделю уже рассказывал, как впервые за десять лет обнял дочь. Вот женщина, которая плакала каждый раз, когда речь заходила о прошлом, теперь говорила о нём спокойно, как о старой, зажившей ране. Сергей смотрел на них и не мог понять: это их настоящие чувства или результат той же силы, что изменила Таню, — силы, о которой он пока ничего не знал.

Но одна женщина выбивалась.

Её звали Вера. Лет сорока, бледная, с тёмными кругами под глазами и тихим, глуховатым голосом. Она пришла на группу три раза. На первом занятии представилась коротко:

«Меня зовут Вера, я работала в детском центре». На втором — слушала, как другие рассказывают о своих успехах, и молчала. На третьем — попыталась что-то сказать, запнулась, замолчала и ушла до конца занятия.

Больше она не появлялась.

Сергей заметил её не сразу. В группе всегда было несколько «тихих» — людей, которые ещё не привыкли к открытости, стеснялись говорить, отводили глаза. Но Вера была другой. Её молчание было не стеснительным, а напряжённым. Как будто она знала что-то, чего не говорила.

Однажды, во время перерыва, он случайно перехватил её взгляд. Группа пила чай, обменивалась улыбками, и кто-то рассказывал, как «раньше я ненавидел свою работу, а теперь каждое утро просыпаюсь и чувствую благодарность». Все кивали. Вера тоже кивнула — механически, без эмоции. А потом подняла глаза на Сергея, и он увидел в них то, чего не видел у других. Страх. Или нет — не страх. Скорее вопрос. Как будто она спрашивала: «Вы тоже это чувствуете? Вы тоже понимаете?»

Он отвёл взгляд первым. А когда поднял — она уже смотрела в окно.

После того случая он стал наблюдать за ней внимательнее. Она не была похожа на «трудный случай» из методички. «Трудные» сопротивлялись открыто: спорили с ведущим, отказывались выполнять упражнения, иногда даже кричали. Вера не спорила. Она просто была где-то не здесь. Её тело

сидело в круге, но мысли блуждали далеко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.